

С.А. Оскольская, А.Б. Шлуинский
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
ИЯз РАН, Москва

К сопоставлению аспектуальной деривации в урало-алтайских языках¹

В статье представлено исследование аспектуальной деривации в урало-алтайских языках на материале выборки из 15 языков, представляющих разные группы обеих семей. Во-первых, обсуждаются формальные механизмы аспектуальной деривации: суффиксы, легкие глаголы и превербы / приставки. Во-вторых, рассматривается место аспектуальной деривации в видовой системе языка, которая может быть словоизменительной, словоклассифицирующей или «смешанной». В-третьих, сопоставляются аспектуальные значения, выражаемые в разных языках при помощи деривационных средств: значения предикатной множественности, фазовые значения, значения интенсивности.

Ключевые слова: уральские языки, алтайские языки, аспектуальная деривация, видовые системы, предикатная множественность, акциональность.

The paper deals with aspectual derivation in Ural-Altaic languages based on a sample of 15 languages that represent different branches of both language families. Firstly, formal means of aspectual derivation (suffixes, light verbs, preverbs / prefixes) are discussed. Secondly, the place of aspectual derivation in the aspect system (that may be inflectional, derivational, or 'mixed') of a language is studied. Thirdly, aspectual meanings expressed in different languages through derivation (pluractional meanings, phasal meanings, intensificational meanings) are compared.

Keywords: Uralic languages, Altaic languages, aspectual derivation, aspect systems, pluractionality, actionality.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00416 (вклад С.А. Оскольской) и в рамках проекта РГНФ № 12-34-01255 (вклад А.Б. Шлуинского).

1. Введение

В настоящей работе предлагаются результаты пилотного сопоставительного исследования аспектуальной деривации в урало-алтайских языках.

Как известно, так называемые урало-алтайские языки не представляют собой генетического единства; если уральские языки – общепринятое генетическое единство, то генетическая общность алтайских языков остается предметом дискуссий, к которой мы не возвращаемся в рамках этой работы, принимая «максимальный» вариант алтайской семьи. Общность урало-алтайских языков понимается как ареально-типологическая и, с одной стороны, кажется скорее интуитивно очевидной, а с другой – никогда не подвергалась какой-либо специальной верификации.

Мы ставим своей задачей типологическое сопоставление нетривиального фрагмента грамматической системы в небольшой выборке, которое, в частности, может показать как наличие сходств между уральскими и алтайскими языками, так и близость урало-алтайских языков друг к другу в целом.

В Таблице 1 представлена использованная нами выборка урало-алтайских языков и использованные источники данных по ним. Мы стремились к относительно равномерному охвату разных ветвей обеих рассматриваемых языковых семей, но, в то же время, отдаем себе отчет в том, что как более детальное исследование рассматриваемых языков, так и привлечение материала других языков может существенно скорректировать наши выводы.

Таблица 1. Используемая выборка урало-алтайских языков.

язык	генетическая принадлежность	источники данных
уральские языки		
эстонский	< прибалтийско-финские < финно-угорские	[Rätsep 1978], [Erelt 2003], [Erelt et al. 1995], [Metslang 2001]
марийский	< волжские < финно-угорские	тексты экспедиций МГУ, частично опубликованные в [Кузнецова и др. (ред.) 2012: 709–745], полевые данные Н.В. Востриковой, [Пенгитов (ред.) 1961], [Вострикова 2002], [Егорушкин, Чумакина 2002]

удмуртский	< пермские < финно-угорские	полевые данные ^{2 3} , полевые данные Н.В.Сердобольской, [Перевощиков (ред.) 1962]
венгерский	< угорские < финно-угорские	[Майтинская 1959], [Kenesei et al. 1998], [Csirmaz 2004], [Kiss 2008]
мансийский	< угорские < финно-угорские	[Ромбандеева 1973]
пите-саамский	< саамские < финно-угорские	[Wilbur 2014]
энецкий	< самодийские	полевые данные ⁴
алтайские языки		
чувашский	< болгарские < тюркские	полевые данные ⁵ , [Павлов (ред.) 1957], [Резюков 1959], [Андреев 1961], [Шлуинский 2006а], [Tatevosov 2007]
башкирский	< кыпчакские < тюркские	полевые данные ⁶ , [Мищенко 2012], [Дмитриев 2008 (1948)]
хакасский	< сибирско-алтайские < тюркские	полевые данные ⁷ , [Баскаков (ред.) 1975], [Дыренкова 1948], [Шлуинский 2006b]
калмыцкий	< монгольские	[Гото 2009], [Баранова 2009], [Сай 2009]
монгольский	< монгольские	[Тодаева 1951], [Дугарова 1991], [Svantesson 1991], []
нанайский	< амурские < тунгусо-маньчжурские	полевые данные ⁸ , [Аврорин 1961], [Оскольская, Стойнова 2012]
удэгейский	< амурские < тунгусо-маньчжурские	[Перехвальская 2012], [Nikolaeva, Tolskaya 2001]
японский	< японо-рюкюские	[Алпатов и др. 2008]

² Неформальная экспедиция в с. Зура Игринского р-на респ. Удмуртия (Д.С. Ганенков, А.Б. Шлуинский), 2001 г.

³ Примеры, взятые из полевых данных авторов, приводятся без ссылок на источник.

⁴ Экспедиции в пос. Потапово и г. Дудинка Таймырского муниципального р-на Красноярского края в рамках проекта «Документация энецкого языка» при поддержке международного фонда ELDP при Институте Азии и Африки Лондонского университета (О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский, М.А. Овсянникова, Н.М. Стойнова, С.А. Трубецкой), 2008–2010 гг.

⁵ Экспедиция филологического факультета МГУ в с. Шимкусы Янтиковского р-на респ. Чувашия (рук. С.Г. Татевосов), 2001 г.

⁶ Экспедиции филологического факультета СПбГУ в д. Рахметово Абзелиловского р-на респ. Башкортостан (рук. Е.В. Перехвальская, С.С. Сай), 2011–2014 гг.

⁷ Экспедиция Института лингвистики РГГУ в с. Казановка Аскизского р-на респ. Хакасия (рук. Н.Р. Сумбатова), 2002 г.

⁸ Экспедиции в Хабаровский край (С.А. Оскольская, Н.М. Стойнова, К.А. Шагал, Д.Ф. Мищенко, Г.А. Мороз), 2007 г., 2009 г., 2011–2013 гг.

2. Аспектуальная деривация

Под **аспектуальными значениями** мы в настоящей работе понимаем сравнительно широкий круг значений, касающихся способа протекания ситуации или ее «окна наблюдения». Во-первых, это значения, связанные с категорией собственно вида ('viewpoint aspect'), противопоставляющие имперфективный аспектуальный ракурс перфективному. Во-вторых, это значения акциональной модификации, изменяющие акциональную структуру ситуации, то есть состав ее фаз – сюда относятся телисизация и детелисизация, добавляющие или устраняющие точку кульминации; а также результивы, добавляющие фазу результирующего состояния. В-третьих, это значения предикатной множественности, для которых исходная ситуация является повторяющимся «квантом». В-четвертых, это значения, характеризующие большую или меньшую интенсивность осуществления ситуации относительно прагматически естественного стандарта.

Деривацию мы противопоставляем словоизменению. Не имея возможности возвращаться здесь к многократно обсуждавшемуся вопросу о различии деривации и словоизменения, кратко перечислим основные отличительные признаки деривации: (1) дериват, будучи отдельной лексемой, имеет собственную полную глагольную парадигму, а не только определенную форму; (2) деривационное значение не является обязательным в общепринятом в грамматической теории смысле, а отсутствие деривационного показателя незначимо; (3) деривация имеет лексические ограничения, часто прихотливые; (4) для деривации свойственна лексикализация значений, так что, помимо предсказуемой суммы значений исходной основы и деривационного показателя, дериват может иметь и дополнительные семантические компоненты. Следует оговорить, что мы понимаем деривацию относительно широко и включаем в нее и аналитические образования – идиоматические или, напротив, продуктивные.

Предметом исследования, таким образом, являются аспектуальные значения, выражаемые при помощи деривации. Оговорим, что мы рассматриваем только внутриглагольную деривацию, то есть такие случаи, когда и производящей, и производной лексемой является глагол.

Мы проводим сопоставление аспектуальной деривации в трех отношениях: это ее формальные механизмы (в разделе 3), ее место в видовой системе (в разделе 4) и выражаемые при ее помощи аспектуальные значения (в разделе 5).

3. Формальные механизмы аспектуальной деривации

В урало-алтайских языках представлены следующие формальные механизмы, используемые для аспектуальной деривации: суффиксы, легкие глаголы, провербы / префиксы.

Суффиксы представлены в том или ином объеме во всех рассматриваемых языках, кроме эстонского и японского, ср. (1)-(3).

(1) марийский

йода ‘спросить’ > *йод-ышта* ‘расспрашивать’ [Пенгитов (ред.) 1961: 226]

(2) нанайский

јаја ‘камлать’ > *јаја-ю* ‘начать камлать’

(3) энецкий

рип ‘положить’ > *ри-го* ‘класть’

В подавляющем большинстве случаев речь идет о «старых» суффиксах с непрозрачной этимологией, но есть и «молодые суффиксы», этимология которых остается прозрачной, как в (4).

(4) хакасский

kiz ‘наде(ва)ть’ > *kiz-ibis* ‘надеть’ [*-ibis* < *-ip* ‘CVB’ + *is* ‘посылать’]

Легкие глаголы представляют собой аналитическое деривационное средство: дериват представляет собой сложное образование из деепричастной формы лексического глагола и принимающего словоизменение легкого ([полу]вспомогательного) глагола; при этом сочетание лексического и легкого глагола обладает высокой синтаксической и просодической слитностью, в частности не допуская вложение каких-либо составляющих между ними⁹. Легкие глаголы представлены в марийском, чувашском,

⁹ Глубокое функциональное сходство между легкими глаголами и деривационной морфологией показано, в частности, в работах М. Батт, см. [Butt 2010].

башкирском, хакасском, калмыцком, монгольском, японском языках, ср. (5)-(7).

(5) марийский

šolta ‘(с)варить’ > šolt-en **kəška** ‘быстро сварить’ [варить-CVB бросать]

(6) чувашский

šivär ‘спать’ > šivär-sa **il** ‘поспать’ [спать-CVB брать]

(7) калмыцкий

unt ‘спать’ > unt-ž **od** ‘засыпать’ [спать-CVB.IPFV уходить]

Превербы и префиксы объединяют этимологически близкие случаи, когда дериват представляет собой сочетание глагольной основы с префиксом или отделимым элементом, сохраняющим пространственную семантику. Будучи типологически сравнительно распространенным явлением, в урало-алтайских языках превербы и префиксы редки и в нашей выборке представлены только в эстонском, мансийском и венгерском языках, ср. (8)-(9).

(8) эстонский

tund ‘знать’ > tund **ära** ‘узнать’ [Metslang 2001: 446]

(9) мансийский

kut’s’(u) ‘пьянеть, быть пьяным’ > **xot-kut**’s’(u) ‘опьянеть’ [Ромбандеева 1973: 181]

На Схеме 1 представлена сеть¹⁰, в которой графически отражена структурная близость языков выборки с точки зрения представленных в них формальных механизмов аспектуальной деривации.

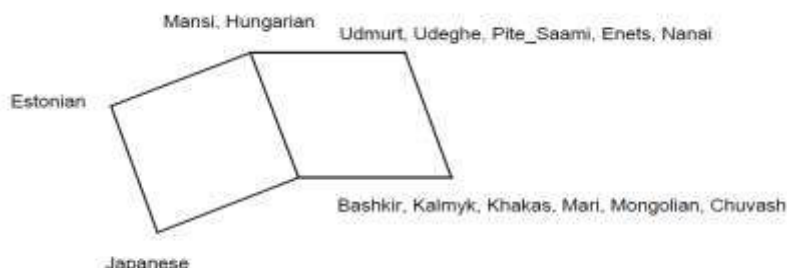

Схема 1. Сравнение языков выборки по наличию формальных механизмов аспектуальной деривации.

¹⁰ Представленные в настоящей работе «сети» (NeighbourNets) составлены с помощью программы SplitsTree4 [Huson, Bryant 2006]. Количество и длина линий, связующих углы с названиями языков, отражают их структурную близость с точки зрения рассматриваемых параметров.

4. Место аспектуальной деривации в видовой системе

Поскольку значения собственно вида (viewpoint aspect) принадлежат к числу выражаемых в рамках аспектуальной деривации, существенно, как аспектуальная деривация соотносится с видовой системой соответствующего языка.

В том, что касается общей типологии видовых систем, – речь идет о различении перфективного vs. имперфективного ракурса – мы различаем три их типа:

- (1) словоизменительные системы, в которых видовое значение определяется глагольной формой;
- (2) словоклассифицирующие системы, в которых видовое значение определяется глагольной лексемой;
- (3) «смешанные» системы, в которых видовое значение может определяться как глагольной формой, так и глагольной лексемой.

В типологически более частом случае словоизменительной видовой системы аспектуальная деривация, помимо частного собственного значения, может влиять только на акциональные свойства глагола, но в случае словоклассифицирующей или «смешанной» видовой системы аспектуальная деривация, помимо частного собственного значения, определяет и акциональные свойства глагола, и его видовую характеристику.

Словоизменительная видовая система представлена из языков выборки в марийском, удмуртском, пите-саамском, чувашском, башкирском, монгольском, удэгейском и японском. В этих языках основа всякого глагола нейтральна относительно собственно вида, который в свою очередь выражается внутри глагольной парадигмы – так, в (10a) представлена перфективная глагольная форма, а в (10b) имперфективная; значение аспектуальной деривации комбинируется с «собственно видовым», как в (10c).

(10) марийский

a. kova-m šür-əm šolt-en
бабушка-1SG суп-ACC варить-PST.3SG

‘Бабушка сварила суп.’

b. kova-m šür-əm šolt-a əle
бабушка-1SG суп-ACC варить-PRS.3SG было

‘(Когда я пришел домой), бабушка варила суп.’

c. kova-m šür-əm šolt-en kəšk-en
бабушка-1SG суп-ACC варить-CVB бросать-PST.3SG

‘Бабушка быстро сварила суп.’ [данные Н.В. Востриковой]

Словоклассифицирующая видовая система представлена в энецком, мансийском и венгерском языках. Собственно вид является в этих языках характеристикой глагольной лексемы, и всякий глагол может быть охарактеризован как перфективный или имперфективный. Аспектуальная деривация используется в том числе и для того, чтобы сменить видовую характеристику глагола – так, в (11a) представлен имперфективный исходный глагол, а в (11b) – его перфективный дериват; в (12a) представлен перфективный исходный глагол, а в (12b) – его имперфективный дериват.

(11) венгерский

a. *Éva festette* a *haját*
Эва красить.PST DEF волосы.3SG

‘(В тот момент) Эва красила (was dying) свои волосы.’ [Kiss 2008: 20]

b. *Éva be-festette* a *haját*
Эва PREF-красить.PST DEF волосы.3SG

‘Эва покрасила (dyed) свои волосы.’ [Kiss 2008: 19]

(12) энецкий

a. *buniki-nʔ* *tət/koz* *ɔta-da-zʔ*
собака-PL.1DU потом накормить-FUT-1SG
‘Наших собак я потом накормлю.’

b. *ʃit* *ɔta-go-za-zʔ*
ты.ACC накормить-DUR-FUT-1SG
‘Я тебя кормить буду.’

В венгерском языке представлены средства аспектуальной деривации только для смены видовой характеристики от имперфективной к перфективной, как в (11) и (13). Мансийский и энецкий допускают направление смены видовой характеристики в обе стороны, как в (14)-(15), но для энецкого более характерна имперфективация, а для мансийского много более характерна перфективация.

(13) венгерский

ér-ni ‘касаться’ > *ér-int-eni* ‘коснуться’ [касаться-SEMEL-INF]
[Майтинская 1959: 118]

lát-ni ‘видеть’ > *meg-lát-ni* ‘увидеть’ [PREF-видеть-INF]
[Майтинская 1959: 180]

- b. ajdo pičik-ti raz-**ibis**-xan
 Айдо бумага-АСС писать-PFV-PST
 1. 'Айдо написал письмо.'
 2. *'(Когда я вошел), Айдо писал письмо.'

В хакасском языке представлены средства аспектуальной деривации только для «фиксации» видовой характеристики глагола в сторону перфективной, ср. (18). Нанайский и калмыцкий языки допускают «фиксацию» как перфективной, так и имперфективной видовой характеристики глагола, ср. (19)-(20).

(18) хакасский

ayir 'болеть' > ayir-**ibis** 'заболеть, проболеть' [болеть-PFV]
 tur 'стоять' > tur-**ip al** '(немного) постоять' [стоять-CVB брать]

(19) нанайский

uləsi 'любить' > uləsi-**lu** 'полюбить' [любить-INCH]
 žara 'брать/взять' > žara-**ča** 'держатъ' [брать-RES]

(20) калмыцкий

zuu 'кусать/укусить' > zuu-**čkə** 'укусить' [кусать-PFV] [Гото 2009: 146]
 ög 'давать/дать' > ög-**čü** '(пере)давать' [давать-PROG] [Овсянникова 2009: 103]
 külä 'ждать' > külä-**väd orkə** 'прождать' [ждать-CVB.ANT класть] [Баранова 2009: 261]
 al- 'убивать/убить' > al-ad **kevt** 'постоянно убивать' [убивать-CVB.ANT лежать] [Баранова 2009: 285]

На Схеме 2 представлена сеть, в которой графически отражена структурная близость языков выборки с точки зрения типа видовой системы и направления перфективации vs. имперфективации в рамках аспектуальной деривации. Схема 3 представляет собой наложение Схемы 1 и Схемы 2 друг на друга, то есть отражает структурную близость языков выборки как с точки зрения формальных механизмов деривации, так и с точки зрения соотношения с видовыми системами.

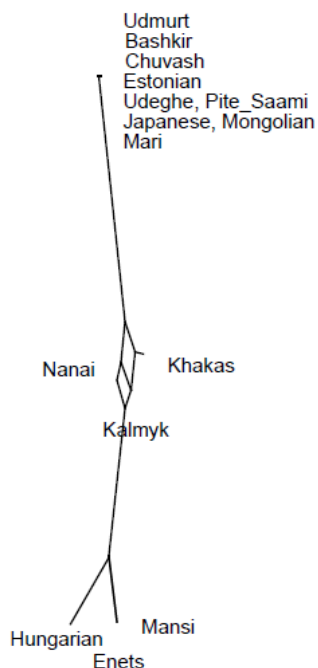

Схема 2. Сравнение языков выборки по типу видовой системы и направлению перфективации vs. имперфективации.

Схема 3. Сравнение языков выборки по типу видовой системы, направлению перфективации vs. имперфективации и наличию разных типов формальных механизмов аспектуальной деривации.

5. Выражаемые аспектуальные значения

В этом разделе будут рассмотрены значения, которыми обладают средства аспектуальной деривации в урало-алтайских языках. Эти значения условно классифицированы по нескольким семантическим зонам.

Обращаясь к выражаемым урало-алтайской аспектуальной деривацией значениям, следует прежде всего оговорить, что мы

не рассматриваем при сопоставлении сравнительно редкие значения, засвидетельствованные только в отдельных языках выборки. Примерами таких значений могут служить инстабилитив (событие достигает результата на время), как в (21), авансфактив (событие имеет место заранее), как в (22), конатив (имеет место попытка осуществления события), как в (23).

(21) мансийский

pājalt(a) ‘закипеть’ > *pājalt-āl(u)* ‘закипеть на время’
[Робмандеева 1973: 168]

tārt(a) ‘отпустить’ > *tārt-āl(u)* ‘отпустить ненадолго’
[Робмандеева 1973: 168]

(22) чувашский

пёçер ‘варить’ > *пёçер-се хур* ‘сварить заранее’ [варить-CVB
класть] [Павлов (ред.) 1957: 180]

(23) марийский

кутыр ‘говорить’ > *кутыр-ен онча* ‘попробовать поговорить’
[говорить-CVB смотреть] [Пенгитов (ред.) 1961: 214-215]

Далее, в имеющемся материале представлены случаи нетривиальной полисемии – когда показатель имеет значения, принадлежащие к разным рассматриваемым ниже семантическим зонам. Примерами могут служить совмещение итератива и семельфактива, как в (24), или аттенуатива и дуратива, как в (25). В таких случаях мы условно считаем соответствующий показатель в соответствующем языке показателем обоих значений, хотя по существу, разумеется, не предполагаем здесь случайной омонимии, а скорее считаем, что требуется дальнейшее исследование такой полисемии.

(24) марийский

a. *žog* ‘стоять’ > *žog-alt* ‘часто стоять’

b. *kokəg* ‘кашлять’ > *kokəg-alt* ‘кашлянуть’ [данные
Н.В. Востриковой]

(25) нанайский

a. *nigu* ‘(на)писать’ > *nigu-nəsi* ‘(на)писать кое-как где попало’

b. *gaŋra* ‘стрелять / выстрелить из лука’ > *gaŋra-nasi* ‘стрелять из
лука’

Ниже, на материале конкретных показателей, показано, какие значения получают в языках выборки специализированное выражение. При этом, разумеется, значение показателей трактуется нами весьма приблизительно, и мы ни в коей мере не говорим о полной синонимии показателей – в разных языках или в одном и том же языке (а тем более – об идентичной лексической сочетаемости, которая для каждого показателя бывает весьма прихотлива).

5.1. Значения предикатной множественности

Для целей настоящего исследования среди значений предикатной множественности мы проводим только одно различие – противопоставляем случай, когда производная ситуация является повторением исходной сама по себе, и случай, когда исходная ситуация повторяется за счет смены одного из участников.

Значения **мультипликатива** / **итератива** / **дисконтинуатива** объединяют случаи, когда (под)события-кванты повторяются в рамках единого (макро)события, ср. (26). В языках выборки показатели таких значений представлены в марийском (-*эшт* / -*ышт*, -*алт*, -*ыл*, -*кал*), удмуртском (-*л*, -*ля*, -*йа*), венгерском (-*gat*, -*dos*), мансийском (-*йут*, -*ас'л*, -*йул*, -*āl* / -*ал* / -*л*), энецком (-*г*, -*га*, -*гу*), башкирском (-*уәла*, -*štär*), хакасском (*tur-* [*<*'стоять'*>*]), монгольском (-*лз*, -*гн*, -*л*) и нанайском (-*лси*, -*кта*).

(26) удмуртский

бызь 'бежать' > *бызь-ыл* 'бегать'

учк смотреть > *учк-ыл* 'поглядывать'

пöзьт 'варить' > *пöзьт-ыл* 'часто / многократно варить' [данные Н.В. Сердобольской]

Значение **дистрибутива** состоит в том, что (под)события-кванты повторяются в рамках единого (макро)события с вовлечением разных участников или разных мест, ср. (27). В языках выборки такие показатели имеются в марийском (*кошта* [*<*'ходить, ездить'*>*]), венгерском (-*гал*, -*кál*), мансийском (-*уал*), чувашском (*š'üre* [*<*'ходить'*>*]), хакасском (-*ула*).

(27) хакасский

тургыс ‘ставить’ > *тургыс-хла* ‘ставить (многие объекты)’
[Баскаков (ред.) 1975: 186]

пар ‘идти, уходить’ > *пар-гла* ‘идти, уходить (о многих субъектах)’ [Баскаков (ред.) 1975: 187]

5.2. Фазовые значения

Значения, которые связаны с изменением структуры фаз ситуации, можно разделить на две больших группы – телисизирующие (в словоклассифицирующих и «смешанных» видовых системах они же «по совместительству» являются и перфективирующими) и детелисизирующие (в словоклассифицирующих и «смешанных» видовых системах они же имеют и имперфективирующую функцию).

Телисизирующие значения ограничивают ситуацию во времени, акцентируют в ее структуре точку кульминации или добавляют эту точку в ее структуру.

Делимитатив ограничивает во времени продолжительность длящейся фазы ситуации, ср. (28). Соответствующие показатели имеют в языках выборки сходную или общую этимологию и представлены в марийском (*нала* [< ‘брат’]), чувашском (*il* [< ‘брат’]), башкирском (*al* [< ‘брат’]) и хакасском (*al* [< ‘брат’]) языках.

(28) башкирский

jäšä ‘жить’ > *jäšä-p al* ‘немного пожить’ [жить-CVB брат]

jütkäre ‘кашлять’ > *jütkäre-p al* ‘немного покашлять’
[кашлять-CVB брат]

Телисизатор вводит или акцентирует точку кульминации ситуации – начальную, финальную или за счет выделения единичного кванта мультипликативной ситуации, ср. (29)-(31). В случае словоклассифицирующих или «смешанных» систем это значение эквивалентно наиболее общему значению перфектива. В силу общего характера этого значения, оно широко распространено в языках выборки, а также в большинстве из них имеет различные средства выражения, которые часто, во-первых, распределены лексически, а во-вторых, помимо аспектуального значения имеют и другие семантические компоненты. Речь идет о следующих языках: эстонский (*äga, läbi* и др.), марийский (*кая*

[<‘идти, уйти’], *колта* [<‘послать’], *шында* [<‘посадить’], *шинча* [<‘сесть’], *шогала* [<‘встать’], *лекта* [<‘выйти’], *пышта* [<‘положить’], *кода* [<‘оставаться’], *кода* [<‘оставлять’]), удмуртский (-*m*, -*лт*, -*ӓ* / -*ч*), венгерский (*meg-*, *be-*, *elő-*, *vissza-*, *át-*, *túl-*, *oda-* (*ide-*), *el-*, *fel-* (*föl-*), *ki-*, *le-*, *össze-*), мансийский (-*lijyt*, -*ap*, -*as*, -*āl*, -*al*, -*l*, *хот-*, *lap-*, *ēl-*, *jol-*, *nōx-*, *juw-*, *tuw-*), чувашский (*kaj* [<‘уходить’], *jar* [<‘пускать’], *jul* [<‘остаться’]), хакасский (-*ibis* [< -*ip-is* ‘CVB + посылать’], *sal* [<‘класть’], *kil* [<‘приходить’], *xal* [<‘оставаться’]), калмыцкий (-*čkə*, -*žə* + *od* [<‘уходить’], -*ad* + *ork-* [<‘класть’]), удэгейский (-*la-*).

(29) марийский

kuv-am *čəvəštal* **kolt-a**

бабка-ACC щипать.CVVB посылать-PRS.3SG

‘(Дедушка) ущипнул бабуку.’ [Кузнецова и др. (ред.) 2012: 716]

(30) чувашский

ivan *š'ivär-sa* **kaj-r-ě**

Иван спать-CVVB уходить-PST-3

‘Иван заснул.’

(31) калмыцкий

bi *pasport-an* *gee-čkə-v* / *gee-və*

я.NOM паспорт-REFL терять-PFV-PST.1SG терять-PST.1SG

‘Я потерял паспорт.’ [Гото 2009: 146]

Инхоатив вводит отсутствующую в исходной фазовой структуре начальную точку ситуации, ср. (32)-(33). Такие показатели в рамках выборки представлены в венгерском (-*pod* / -*mod*), мансийском (-*alt*, -*mjyt*, -*uml*, -*umt*), энецком (-*r(u)*, -*u*, -*ku*), хакасском (*six* [<‘выходить’], *par* [<‘идти’]), монгольском (*эхлэх* [<‘начинать’]), нанайском (-*lo*, -*psin*), удэгейском (-*li*), японском (*iku* [<‘идти, уходить’]) языках.

(32) венгерский

fut-ni ‘бежать’ > *futa-mod-ni* ‘пуститься бежать’ [Майтинская 1959: 118]

(33) японский

ugokash- ‘шевелить’ > *ugokash-ite iku-* ‘зашевелить’ [шевелить-CVVB уходить] [Алпатов и др. 2008: 358]

Семельфактив выражает единичный квант ситуации, описываемой исходным глаголом, ср. (34). Соответствующие показатели иллюстрируют следующие языки: марийский (-*алт*, -*ыл*), удмуртский (-*шт*), венгерский (-*dal*, -*csol*), мансийский (-*ат*, -*owl*, -*m*).

(34) удмуртский

нюлы-ны 'лизать' > *нюлы-шты-ны* 'лизнуть' [Первошиков (ред.) 1962: 221]

ыбы-ны 'стрелять' > '*ыбы-шты-ны* 'стрельнуть' [Первошиков (ред.) 1962: 221]

Детелисизирующие значения акцентируют в структуре ситуации длящуюся фазу или добавляют эту фазу в ее структуру.

Результатив описывает длящуюся результирующую фазу ситуации, наступающую после достижения точки кульминации, как в (35). Такие показатели из языков выборки отмечены в чувашском (*лар* [< 'сидеть'], *tär* [< 'стоять']), башкирском (*tor* [< 'стоять']) и нанайском (-*ča*).

(35) чувашский

šiši- 'опухать' > *šiši-sa tär-* 'быть опухшим' [опухать-CVB стоять]

šän - 'замерзать' > *šän-sa tär-* 'быть замерзшим' [замерзать-CVB стоять]

Дуратив вводит или акцентирует длящуюся фазу ситуации, либо получает хабитуальную или итеративную интерпретацию, ср. (36)-(37). В случае словоклассифицирующих или «смешанных» систем это значение эквивалентно наиболее общему значению имперфектива. Как и противоположное общее телисизирующее значение, деривационные средства выражения дуративного значения широко распространены, но и в отношении количества языков, и в отношении используемых в них показателей имеют существенно меньший разброс. В выборке оно представлено в таких языках, как марийский (*шога* [< 'стоять'], *кия* [< 'лежать']), венгерский (-*dokol*, -*doz*, -*kod*), мансийский (-*ānt* / -*ant*), энецкий (-*go*, -*be*), башкирский (*jat* [< 'лежать']), калмыцкий (-*ad* + *jov* [< 'ходить'], -*ad* + *kevt* [< 'лежать'], -*ad* + *suu* [< 'сидеть']), нанайский (-*či*, -*nase*), удэгейский (-*si*).

(36) марийский

ere *paša-m* *ašt-en* **ki***j-əš-na*
 постоянно работа-ACC делать-CVB лежать-PST-1PL
 ‘Мы все время много работали.’ [тексты экспедиций МГУ]

(37) удэгейский

зəиҗи ‘готовить, приготовить (пищу)’ > *зəиҗи-si* ‘готовить (пищу)’
 [Перехвальская 2012: 386]
zəgdə ‘гореть, сгореть’ > *zəgdə-si* ‘гореть’ [Перехвальская
 2012: 386]

Прогрессив также акцентирует делящуюся фазу ситуации, ср. (38), но его сфера применения ограничена ситуацией единичной; прогрессивные деривации избегают хабитуального значения тех глагольных форм, у которых оно есть в языковой системе. В нашей выборке показатели прогрессива представлены в чувашском (*lar* [< ‘сидеть’], *tār* [< ‘стоять’]), башкирском (*ultar* [< ‘сидеть’]), калмыцком (*-žə*, *-žə + jov* [< ‘идти’]), монгольском (*суух* [< ‘стоять’], *явах* [< ‘ходить’], *хэвтэх* [< ‘лежать’], *ирэх* [< ‘приходить’]).

(38) монгольский

Дорж захидал бичи-ж *суу-в*
 Дордж письмо писать-CVB стоять-PST
 ‘Дордж писал письмо.’ [Тодаева 1951: 117]

5.3. Значения интенсивности

Материал языков выборки содержит показатели со значениями собственно повышенной или пониженной интенсивности осуществления ситуации, а также со значением повышенной скорости.

Интенсив характеризует ситуацию как происходящую с повышенной интенсивностью, ср. (39). Такие показатели представлены в марийском (*-ылт*, *опта* [< ‘класть’]) и чувашском (*-V пар* [< ‘давать’], *рăгах* [< ‘бросать’], *-ала*) языках.

(39) марийский

онча ‘смотреть’ > *онч-ылта* ‘рассматривать’ [Пенгитов (ред.)
 1961: 228]
кия ‘лежать’ > *кий-ылта* ‘валяться’ [Пенгитов (ред.) 1961: 228]

Аттенуатив, напротив, описывает ситуацию, которая имеет место с пониженной интенсивностью, ср. (40). Следует отметить, что понижение интенсивности может иметь различную конкретную интерпретацию: короткое время, неполный охват участника, низкое качество, а в частности – осуществление ситуации с интервалами, что в свою очередь создает зону пересечения этого значения со значениями предикатной множественности. Аттенуативные показатели представлены в следующих языках выборки: марийский (-ал), удмуртский (-мъяськ), венгерский (-dogál), пите-саамский (-tj, -st, -d, -dall), энецкий (-jtu), чувашский (-kala), нанайский (-nase), удэгейский (-nda).

(40) марийский

kija ‘лежать’ > kija-**la** ‘недолго полежать’ [Егорушкин, Чумакина 2002: 147]

rukša ‘кормить’ > rukša-**la** ‘подкормить’ [Егорушкин, Чумакина 2002: 147]

Значение **цитофактива** состоит в том, что ситуация происходит с повышенной скоростью, ср. (41). Такие показатели в рамках выборки представлены в мансийском (-jур, -ар, -uwj) и хакасском (tasta [< ‘бросать’]) языках.

(41) мансийский

m̄l̄gm(u) ‘нырнуть’ > m̄l̄gm-**jур**(а) ‘нырнуть быстро’ [Ромбандеева 1973: 162]

хол(u) ‘кончиться’ > хол-**jур**(а) ‘быстро кончиться’ [Ромбандеева 1973: 163]

На Схеме 4 представлена сеть, в которой графически отражена структурная близость языков выборки с точки зрения состава значений, выражаемых средствами аспектуальной деривации.

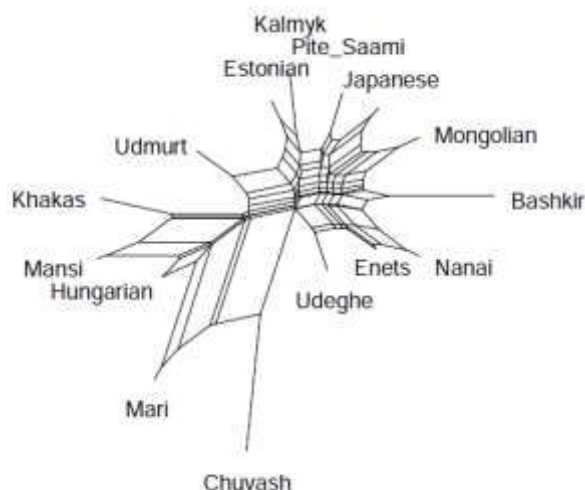

Схема 4. Сравнение языков выборки по значениям, выражаемым средствами аспектуальной деривации.

6. Заключение

По формальному выражению аспектуальная деривация более разнообразна внутри уральских языков (префиксы/превербы, легкие глаголы, суффиксы), чем внутри алтайских (легкие глаголы и суффиксы).

Среди уральских языков на алтайские больше похожи те, что находятся территориально близко к соответствующим алтайским языкам – как башкирский и чувашский, с одной стороны, и марийский, с другой. В то же время об очевидном урало-алтайском сходстве в области аспектуальной деривации говорить не приходится, как, впрочем, и о сходстве между языками внутри каждой из этих семей.

Наиболее распространенный в нашей выборке тип видовой системы — словоизменительный, что согласуется с типологическими ожиданиями. В рамках нашего материала словоклассифицирующие системы представлены только среди уральских языков, а «смешанные» – только среди алтайских, но, поскольку в обоих случаях словоклассифицирующие и «смешанные» системы не коррелируют ни с генетической, ни с ареальной близостью соответствующих языков, связь с соответствующими семьями, видимо, случайна.

Сокращения

1, 3 – 1, 3 число, ACC – аккузатив, CVB – деепричастие, CVB.ANT – деепричастие предшествования, CVB.IPFV – имперфективное деепричастие, DEF – показатель

определенности, DU – дв. число, DUR – дуратив, FUT – будущее время, INCH – инхоатив, INF – инфинитив, IPFV – имперфектив, MULT – мультипликатив, NOM – номинатив, OBL – косвенный падеж, PFV – перфектив, PL – мн. число, PREF – глагольная приставка, PROG – прогрессив, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, REFL – рефлексив, RES – результатив, SEMEL – семельфактив, SG – ед. число.

Литература

1. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М., Л., 1961.
2. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. М., 2008.
3. Андреев Н.А. Краткий грамматический очерк чувашского языка // Чувашско-русский словарь. М., 1961.
4. Баранова В.В. Сложные глаголы в калмыцком языке // Труды ИЛИ РАН V(2). Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб., 2009. С. 255–309.
5. Баскаков Н.А. (ред.). Грамматика хакасского языка. М., 1975.
6. Вострикова Н.В. Процесс грамматикализации вспомогательных глаголов в марийском языке // Третья зимняя типологическая школа. М.: РГГУ, 2002. С. 123–126.
7. Гото К.В. Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке // Труды ИЛИ РАН V(2). Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб., 2009. С. 124–159.
8. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., 2008 [1948].
9. Дугарова Г.С. Глагольный вид в современном монгольском языке. Новосибирск, 1991.
10. Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
11. Егорушкин А.А., Чумакина М.Э. К типологии аттенуатива // Третья зимняя типологическая школа. М.: РГГУ, 2002. С. 147–148.
12. Кузнецова А.И. и др. (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. М., 2012.
13. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. 2. Грамматическое словообразование. М., 1959.

14. Мищенко Д.Ф. Сложные глаголы и акциональные свойства глаголов в башкирском. Доклад на башкирском семинаре в СПбГУ, ноябрь 2012.

15. Овсянникова М.А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка // Труды ИЛИ РАН V(2). Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб., 2009. С. 94–123.

16. Оскольская С.А., Стойнова Н.М. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Проблемы языка. Сб. научных статей по материалам Первой конференции-школы. М.: ИЯз РАН, 2012. С. 213–230.

17. Павлов И.П. (ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары, 1957.

18. Пенгитов Н.Т. (ред.). Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.

19. Перевошиков П.Н. (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

20. Перехвальская Е.В. Выражение аспектуальных значений в удэгейском языке // Труды ИЛИ РАН VIII(2). Типология аспектуальных систем и категорий. СПб., 2012. С. 361–395.

21. Резюков Н.А. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков. Чебоксары, 1959.

22. Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973.

23. Сай С.С. Грамматический очерк калмыцкого языка // Труды ИЛИ РАН V(2). Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб., 2009. С. 622–709.

24. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.

25. Шлуинский А.Б. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник МГУ, Серия 9 Филология, 2006а, № 1. С. 32–47.

26. Шлуинский А.Б. Акциональные классы глаголов в хакасском языке // Третья Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: Материалы. СПб., 2006б. С. 158–164.

27. Butt M. The light verb jungle: still hacking away // Complex Predicates: Cross-linguistic Perspectives on Event Structure. Cambridge: CUP, 2010. P. 48–78.

28. Csirmaz A. Perfective and imperfective aspect in Hungarian: (Invisible) differences // Proceedings of Console XII. Leiden: University of Leiden, 2004.

29. Erelt M. et al. Eesti keele grammatika. I: morfoloogia, sõnamoodustus. Tallinn: Eesti Keele Instituut, 1995.

30. Erelt M. Estonian Language. Tallinn: Estonian Academy Publishers, 2003.

31. Huson D. H., Bryant D. Application of Phylogenetic Networks in Evolutionary Studies // Mol. Biol. Evol., 23(2). 2006. P. 254–267.

32. Kenesei I. et al. Hungarian. London: Routledge, 1998.

33. Kiss K. The Function and the Syntax of the Verbal Particle // Event Structure and the Left Periphery. Studies on Hungarian. Dordrecht: Springer, 2008. P. 17–55.

34. Metslang H. On the developments of the Estonian aspect the verbal particle *ära* // The Circum-Baltic languages: typology and contact: grammar and typology. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 443–479.

35. Nikolaeva I., Tolskaya M. A Grammar of Udihe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.

36. Rätsep H. Eesti keele lihtlausetete tüübid. Tallinn: Valgus, 1978.

37. Svantesson J.-O. Tense, Mood and Aspect in Mongolian // Lund University, Dept. of Linguistics Working Papers 38. 1991. P. 189–204.

38. Tatevosov S. Plural vs. Discontinuous Events: Degree Modification in Chuvash // Proceedings of the 2nd Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL 2). MIT Working Papers in Linguistics 54. 2007. P. 347–364.

39. Wilbur J. A grammar of Pite Saami. Berlin: Language Science Press, 2014.